

Литературоведение

Е.Г. Иващенко, И.А. Дябкин

ПРОЗАИЗАЦИЯ СТИХА В ТВОРЧЕСТВЕ АРСЕНИЯ НЕСМЕЛОВА

*The phenomenon of verse and prose interrelation in
A. Nesmelov's works is studied in this article.*

Творческое наследие Арсения Несмелова включает как стихотворные, так и прозаические тексты. Наибольшее внимание исследователей привлекла к себе его поэзия, тогда как проза до настоящего времени находится в тени исследовательских штудий. А между тем писателя можно назвать истинным литературным билингвом, на равных основаниях совмещавшим в своем творчестве стих и прозу и осознающим их органическую связь. Как и у других известных билингвов (А. Пушкин, В. Набоков, Б. Пастернак), в работах Несмелова один вид творчества неизменно оказывал влияние на другой, происходила конвергенция двух способов словесного выражения. Задача нашего исследования – проследить влияние прозаического способа повествования на стихотворный текст. Объектом исследования станут поэтические сборники Несмелова, изданные при его жизни: «Стихи» (1921), «Уступы» (1924), «Кровавый отблеск» (1929), «Без России» (1931), «Полустанок» (1938), «Белая флотилия» (1942).

Несмелов начал свой творческий путь с лирики, что присуще фактически всем начинающим писателям, но его путь к прозе не был долог. По утверждению Е. Витковского, первые публикации стихотворений Несмелова приходятся на 1911-1912 гг., тогда как первый прозаический сборник «Арсений Митропольский. Военные странички» датирован 1915-м [1]. И до самой смерти писателя стихи и проза сосуществовали в его творчестве, активно влияя друг на друга.

Прозаизация – очевидная и стабильная особенность лирики Несмелова, охватившая все уровни текстов и формальную, и содержательную их стороны. Формы прозаизации, используемые писателем, многообразны. К ним следует отнести сюжетность стиха, размытие жанровых форм, строфику, рифмику, лексику, синтаксис. В наименьшей степени подвержена прозаизации метрика, но метрическую урегулированность стиха при необходимости Несмелов умело маскирует.

Самое очевидное проявление прозаизации, заметное даже неискушенному в стиховедческих тонкостях читателю, – наличие во многих стихотворениях автора развернутого новеллистического сюжета. Перефразируя слова Эйхенбаума об Ахматовой, можно сказать, что в лирике Несмелова «лирическая эмоция обрастает сюжетом» [7].

«Приключение» рассказывает об адюльтере, но насыщено не столько поэтическими, сколько бытовыми деталями:

Твой хмурый муж, застывший у конторки,
Считает выручку. Конторщица в углу
Закрывает стол. Степан, парнишка зоркий,
В четвертый раз берет за метлу... [5, с. 63].

Подзаголовок стихотворения «рассказ в стихах» вполне обоснован как на уровне формы, так и содержания. Стихотворение состоит из 80 строк, – значительный объем, позволяющий включить развернутый сюжет. В стихотворении повествуется о любовном свидании, где, как в сюжете рассказа, без труда можно выделить завязку, разви-

тие действия, кульминацию и развязку, где присутствуют диалоги и внутренняя речь. Повествовательность, разговорность интонации создаются также за счет стихотворных переносов, нарушающих ритмику ямба, и отсутствия высокой поэтической лексики. Прозаизация явно намеренная. Ее цель – показать, как проза жизни победила романтику любви.

Стихотворение «Шутка» также содержит прозаический сюжет – повествует о веселом розыгрыше с переодеванием:

В костюме женщины! К тебе парик блондинки
Идет, и ты похож на этуаль,
Уверенно высокие ботинки
Пружинят ног резиновую сталь.
Кузнецкий весь в своей обычной жизни,
И публики обычное кольцо...
– Постой! Пускай тебя осмотрят «слизни»,
Остановись у стекол Авантю.
«Гамен в манти» нервнрует фланеров
(У нас уже весьма солидный тыл).
Вот позади хрустящий легкий шорох:
Автомобиль чуть вздрогнул и застыл [5, с. 65].

Как и в «Приключении», прозаизация сюжета подчеркнута наличием диалогов, специфической лексикой (скалит десны, «слизни»), неточной рифмой и обилием стихотворных переносов, нарушающих лирическое течение фраз. К тому же в «Шутке» присутствует своеобразная имитация деления на главы, так как строфы обозначены цифрами.

Несмелов, пытаясь сделать более зримым своеобразие текстов «Приключения» и «Шутки», дал им нетипичное, но очень точное жанровое определение: «рассказ в стихах», крайне редкая литературная форма. Внимание к жанровой принадлежности текста указывает на то, что Несмелов осознавал собственные интенции лирики к прозе. Наряду с «рассказами в стихах», в сборниках Несмелова встречаются столь же редкие жанровые формы – «лирический репортаж», «конспект поэмы», «повесть», «сказка». И во всех из них специфика жанра поддержана разными способами прозаизации. Так, в стихотворении «Истеричка» с подзаголовком «лирический репортаж» присутствует холостой стих, нарушающий стиховую инерцию дольника. Содержание стихотворения не противоречит форме: оно рассказывает о выхолощенной любви, заслуживающей уже не лирики стиха, а лишь констатации факта, характерного для репортажа. Стихотворение «Смерть Гофмана» с подзаголовком «конспект поэмы» жестко структурировано, оно делится на три восьмистишия и одно четверостишие, где каждая строфа обозначена римской цифрой. Тематика произведения поэтическая. Подзаголовок же, вероятно, обусловлен некой непрозрачностью изложения, нераскрытостью тем. Возможно, Несмелов действительно планировал развить стихотворение до уровня поэмы.

Другое явление прозаизации в творчестве Несмелова связано, на наш взгляд, с объемом произведений. Известный стиховед Ю. Орлицкий, выделяя аспекты стиха, которые могут быть подвергнуты прозаизации (сюжет, характеры, субъективная организация, лексика, фразеология, синтаксис), не затрагивает такой компонент как объем стихотворного текста. Действительно, объем текста – весьма условный критерий. Тем не менее он продолжает функционировать в литературоведении при определении жан-

ра прозаических произведений, а также в стиховедческих исследованиях. Так, О. Федотов, размышляя об оптимальном объеме стихотворного высказывания, называет таковым четырнадцатистишие: «Четырнадцать стихов, объединенных в одиночных или повторяющихся строфах, – самое большое и в то же время пороговое их число, после которого воспринимающее сознание практически не улавливает заданной структуры» [6, с. 323]. Это не говорит, что все стихотворения, выходящие за пределы четырнадцати строк, автоматически прозаизируются, но объем зачастую является косвенным свидетельством желания придать описываемым явлениям эпический размах. Это намерение становится очевидным в том случае, если подкрепляется другими способами прозаизации. В совокупности все проявления подобного рода свидетельствуют о желании создать некий лирический эквивалент прозаического текста.

Мы попытались определить строфический объем произведений Несмелова, вошедших в прижизненные сборники. Наблюдения приведены в таблицах.

Сборник «Стихи», 1921 г.

Всего 40 стихотворений. Среднее количество строк – 25,6

Кол-во строк в стихотворении	6	12	16	20	24	28	32	36	64	70	80
Кол-во стихотворений	1	9	5	7	4	6	3	1	1	1	2

Сборник «Уступь», 1924 г.

Всего 24 стихотворения. Среднее количество строк – 19,5.

Кол-во строк в стихотворении	6	12	16	20	24	28	40
Кол-во стихотворений	1	4	7	3	5	3	1

Сборник «Кровавый отблеск», 1931 г.

Всего 9 стихотворений. Среднее количество строк – 60,2.

Кол-во строк в стихотворении	20	33	44	48	49	80	114	121
Кол-во стихотворений	1	2	1	1	1	1	1	1

Сборник «Без России», 1931 г.

Всего 34 стихотворения. Среднее количество строк – 29,5.

Кол-во строк в стихотворении	12	14	15	16	20	24	28	30
Кол-во стихотворений	1	1	1	5	4	6	6	1
Кол-во строк в стихотворении	32	36	48	50	56	68	104	
Кол-во стихотворений	2	2	1	1	1	1	1	

Сборник «Полустанок», 1938 г.

Всего 14 стихотворений. Среднее количество строк – 36.

Кол-во строк в стихотворении	20	24	26	30	32	48	60	64	120
Кол-во стихотворений	5	1	1	1	1	1	2	1	1

Сборник «Белая флотилия», 1942 г.

Всего 47 стихотворений. Среднее количество строк – 29,5.

Кол-во строк в стихотворении	12	16	18	20	22	24	28	32
Кол-во стихотворений	3	4	1	5	1	6	5	5
Кол-во строк в стихотворении	34	36	37	41	42	44	48	68
Кол-во стихотворений	2	6	1	1	1	2	3	1

Очевидно, что Несмелов тяготеет к крупным стихотворным формам, и эта тенденция в его творчестве является стабильной. Всплеск приходится на сборник «Кровавый отблеск», созданный в середине творческого пути, затем объем текстов идет на убыль, но остается достаточно высоким: 88 % текстов, входящих в сборники, превышают четырнадцать строк. Много стихотворений имеет нестандартно высокий объем, превышающий 60, 70, 80, 100 строк. Несомненно, данные показатели свидетельствуют о тенденции к прозаизации: автор не укладывается в лапидарность стиха и разворачивает мысль, уподобляя произведение прозаическому тексту.

Эффект, создаваемый объемом произведений, активно поддерживается на уровне архитектоники стиха. Как уже отмечалось, писатель неоднократно нумерует строфы, как бы «подверстывая» структуру стиха под структуру прозы. Это стихотворения «Голубой разряд», «Неврастеник», «Смерть Гофмана», «Бронзовые парадоксы», «Страдающий студент», «Шутка», «Стихи о револьверах» и т.д. Нумерация позволяет выделить смысловые блоки, нейтрализуя эффект непрерывности, плавности стихотворного потока, смещая внимание со звучания на смысл. При этом в большинстве стихотворений с нумерацией строфический объем блоков различен, что также приводит к уподоблению стихотворных кусков прозаическим главам, ведь на первый план выходит не ритм текста, его урегулированность, а деление на части по смыслу. Стихотворение «Неврастеник» состоит из двух частей, обозначенных цифрами. Первая включает два четверостишия, скрепленных перекрестной рифмовкой. Содержание ее вполне лирично: повествует о душевных метаниях человека на грани нервного срыва:

Когда нет будущего – жить не хочется,
Когда нет будущего – ночами страх,
Как утомительно душе пророчится
Неотклоняемый и близкий крах.

Вторая часть стихотворения построена как антитеза первой. Лиризм уступает место грубоватой будничности. Человек отвлекается от своих внутренних переживаний и смотрит на себя со стороны:

Вышел из себя. Встал в сторону. Гляжу:
На постели тридцатидвухлетний
Вяло дышит человек и ищет
Рифму к слову «будущее»...
Не нашел и думает о шляпе
Для жены, которая уж спит
(Спит не шляпа, а жена, конечно),
А за ним, раскосая, как шляха,
Смерть стоит, зевая (не пора ли
Ухватить за глотку человека?) [5, с. 42].

Содержательный контраст между частями подчеркнут формальными элементами. Во второй части отсутствуют деление на строфы и рифма, включены просторечная лексика, бытовые описания и пояснения, что существенно прозаизирует текст. Таким образом, нетипичное для стихотворения деление на части обусловлено и содержатель-

ной, и формальной сторонами. Несмелов демонстрирует многообразие приемов, приближающих лирику к прозе.

Говоря о прозаизации на уровне архитектоники текста, нельзя не отметить использования Несмеловым графичности. Желая выделить из структуры стихотворного текста тот или иной блок, он нередко использует разделяющую черту, разнообразие шрифтов. Это «Баллада о даурском бароне», «Восемнадцатому году», «Понужай», где разделяющая черта используется как знак подведения итога. А в стихотворении «Бронзовые парадоксы», уже разбитом на пронумерованные части, поэт графически выделяет слово «эпилог», выводя его из строки и придавая ему функцию подзаголовка.

IV

ЭПИЛОГ. – Владеющие слогом
Написали много страшных книг,
И под их скрипящим монологом
Человек с младенчества изник [5, с 62].

Другой прием – тяготение к астрофическим композициям. В стихотворении «Я вспомнил стогод...» сочетаются одно-, трех-, четырех-, пяти-, шести-, семи-, одиннадцатистишия. В «Р.В. 15» – пять четверостиший разбавлены пяти-, шести-, семи и одиннадцатистишиями. Несмелов формирует смысловые блоки в ущерб стиховой урегулированности, размерности, ритмичности, что больше напоминает деление прозы на абзацы, чем стихотворения на строфы.

Очень часто Несмелов обращается к безрифменным и холостым стихам, придающим тексту особую интонацию разорванности, «раздрызганности».

Я стал озира́ться.
На рыже́й плите,
Солдатско́й лопато́ю брошен,
Зубами́ гранит укусив,
Зеленел
Человече́ский череп.

Он крупный́ был очень,
И мозг
Немалый,
Должно́ быть,
Вмещал он при́ жизни [5, с. 116].

Стихотворение с подобным содержанием не должно быть лиричным, мелодичным. Оно должно быть жестким, безэмоциональным. Этого эффекта Несмелов добился безрифменным стихом, рваной строфикой и, в меньшей степени, использованием дольника. Несмелов прекрасно ощущает собственный антилиризм и декларирует оторванность от предшествующей литературной традиции:

О чем я подумал тогда?
Едва́ли
О Гамлете.
Нет, я Шекспира́ не вспомнил!

Нередко для создания прозаической интонации Несмелов использует холостой стих. В «Истеричке» рифмуются 1-й и 3-й стих, нерифмованным остаются 2-й и 4-й.

Вы растоптали завязь
Бледного fleur d'orange'a
Можно ли жить, не нравясь,
Не улыбаясь всем?

Взгляды́ мужчин – наркотик
(Ласки оранг-утанга!)
Ваш искривле́нный ротик –
Это, пожалуй, боль [5, с. 41].

Прозаическая нотка внутри поэтического текста призвана разрушить возвышенное представление лирического героя о любовном чувстве, показать «грубость» реальных жизненных переживаний.

Творчество Несмелова отражает одну из ярких тенденций первой половины XX в. – соединение прозаического

и стихотворного начал, размывание границ между стихом и прозой. На протяжении всей жизни Несмелов активно прозаизирует стих на уровне метрики, фонетики, строфики. При этом писатель остается в пределах традиционного классического стиха. В сборниках нет ни верлибров, ни переходных стихопрзаических форм.

Спектр значений, вносимых в текст прозаизацией, очень широк. Несмелов использует семантическую насыщенность приема в полном объеме, значительно расширяя смысловые границы повествования. Использование прозаического сюжета, приближение стиха к интонационно-ритмической структуре прозы за счет строфики и особенности фонической организации текста позволяют автору передать множество оттенков значений: разочарованность в любовном чувстве, ощущение «усталости» от жизни, разрушение гипертрофии возвышенного и восприятие обыденной жизни – ее грубости и прелести, комизма и лиризма.

Источником подобного мировидения, без сомнения, является время, сформировавшее поэта. Современник поэта Голенищев-Кутузов отметил, что именно эпоха со всеми ее бедствиями оттолкнула поэта от чистой лирики и дала его поэзии эпическое начало [2]. Развивая мысль известного критика, А.А. Забияко пишет о «мужественном» начале лирики Несмелова, выразившейся в тематических приоритетах, лексике, синтаксисе, осторожном отношении к тропам и т.д. [3]. Соглашаясь с исследователем, еще раз подчеркнем, что комплекс внелитературных причин стал первой отправной точкой к прозаизации лирики.

Другой причиной прозаизации, на наш взгляд, стали чисто литературные факторы, наложившие отпечаток на поэтику писателя. Несмелов явно тяготел к «простоте» выражения, отвергая «туманную» образность, отрицая эстетизированное отношение к творчеству. Это подтверждает его статья о белом стихе, где писатель отмечает неоправданную перегруженность современной поэзии приемами, которые отдаляют автора от читателя: «Героем современной поэзии стал прием. Поэт наших дней с головой погружен в разработку технических вопросов мастерства: он готов изобретать приемы ради самих приемов, вне зависимости от того, что при их помощи выражено» [4, с. 104]. Именно желание простоты и доступности стало еще одним толчком к прозаизации текста, делающим его максимально доступным для читателя. Недаром поэт заводит речь о «социальном заказе», столь необходимом, по его мнению, условия востребованной поэзии.

Итак, прозаизация лирики Арсения Несмелова стала результатом слияния двух мировоззренческих комплексов: во-первых, представления о грубости современного мира и, как результат, – необходимости в «мужественной» поэзии, способной настроить человека на борьбу; во-вторых, отрицание «искусства ради искусства» и уверенность в том, что поэзия не должна входить в противоречие с «социальным заказом», предполагающим внимание писателя не только к форме, но и к семантической, смысловой стороне искусства.

1. Витковский Е. Формула бессмертия // Несмелов А. Собрание сочинений. Т. 1. Стихотворения и поэмы. – Владивосток, Альманах «Рубеж». – 2006. – С. 3-34.

2. Голенищев-Кутузов Русская литература на Дальнем Востоке // Русский Харбин. – М.: Изд-во МГУ; Наука. 2005. – С. 106-109.

3. Забияко А.А. Лирика «Харбинской ноты»: культурное пространство, художественные концепты, версификационная поэтика: автореф. дис. ...д-ра филол. наук. – М., 2007.

4. Несмелов А. О белом стихе (в порядке дискуссии) // Русский Харбин. – М.: Изд-во МГУ; Наука, 2005. – С. 104.

5. Несмелов А. Собрание сочинений. Т. 1. Стихотворения и поэмы. – Владивосток, Альманах «Рубеж». – 2006.

6. Федотов О.И. Основы русского стихосложения. Теория и история русского стиха: В 2-х кн. – Кн. 2: Строфика. – М: Флинта; Наука, 2002.

7. Эйхенбаум Б.М. О прозе. О поэзии. Сб. статей. – Л.: Худож. лит., 1986.

8. Якобсон Р. Заметки о прозе поэта Пастернака // Работы по поэтике. – М.: Прогресс, 1987. – С. 324-339.